

Виктор Пронин

Киевский торт

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Пронин
Киевский торт

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Киевский торт / В. А. Пронин — «Эксмо»,

«Как-то вечером, когда прием уже закончился и Вера Петровна спешно заносила в карточки бесконечные сведения, которые положено вписывать во время приема, в кабинетик вошел хирург Николай Николаевич. Он неслышно сел на кушетку, застланную белой простыней, откинулся спиной на крашеную стену и стал смотреть на Веру Петровну внимательно и почти влюбленно, как это могут себе позволить пожилые люди, понимающие, что их не заподозрят в срамных помыслах...»

© Пронин В. А.

© Эксмо

Виктор Пронин Киевский торт

Как-то вечером, когда прием уже закончился и Вера Петровна спешно заносила в карточки бесконечные сведения, которые положено вписывать во время приема, в кабинетик вошел хирург Николай Николаевич. Он неслышно сел на кушетку, застланную белой простыней, откинулся спиной на крашеную стену и стал смотреть на Веру Петровну внимательно и почти влюбленно, как это могут себе позволить пожилые люди, понимающие, что их не заподозрят в срамных помыслах.

– Простите меня, Верочка, за нескромный вопрос... Сколько вам лет?

– Ох, Николай Николаевич! – непритворно вздохнула Вера Петровна, не отрываясь от карточек. – Все мои, все мои... Двадцать семь! – И она, быстро обернувшись, исподлобья посмотрела на хирурга широко раскрытыми глазами, словно сама удивилась этой страшной цифре. И добавила: – Будет.

– Замуж вам надо, Вера. Чтобы семья, муж, дети... чтобы не оставались вы тут со мной, стариком, да с уборщицей, которая вот-вот погонит нас отсюда своей поганой метлой.

– Не берут, – неловко усмехнулась Вера Петровна. – Чем-то я им не нравлюсь, что-то их пугает, никак не удастся мне их пронять.

– Дураки потому что. Истинно дураки. – Николай Николаевич помолчал. – Хотите, я познакомлю вас с прекрасным молодым человеком – умным, образованным, обеспеченным? Хотите? – Морщинистое красноватое лицо хирурга приняло заговорщицкое выражение.

– Конечно, нет!

– Почему, Верочка?!

– Потому что таких не бывает. – Она рассмеялась.

– Есть такой! – Николай Николаевич подошел к столу, чтобы видеть лицо Веры Петровны. – Он живет со своей мамашей, моей давней знакомой, в городе Киеве. У него потрясающая квартира, замечательная должность в Министерстве сельского хозяйства, и он давно мечтает познакомиться с красивой, обаятельной...

– Стоп! – Вера Петровна подняла ладошку. – Киев славится красавицами, что ему мешает там?

– То же, что и вам здесь мешает, в таежных глубинах нашего острова. Ведь это все расхожие слова – большой город, много красавиц... а на деле все проще... Соседи, сослуживцы, свой автобусный или трамвайный маршрут. Прохожих там много, но их и здесь хватает. На прохожих не женятся, за прохожих замуж не выходят. С людьми все происходит, когда они перестают быть прохожими друг для друга. Значит, договорились. Я отсылаю ему ваш адрес и анкетные данные. В меру сил опишу внешность, хотя заранее знаю, что мне это не под силу.

– Ни в коем случае! – испугалась Вера Петровна. – Не вздумайте!

– Послушайте меня. – Николай Николаевич снова сел на кушетку. – Я pošлю ваш адрес. Он напишет письмо. Не понравится – не отвечайте. Можете порвать его, не вскрывая. Вы знаете, как переводится на русский язык слово «Поронайск»? Гнилое место. Мне так не хочется, чтобы название нашего городка отразилось на вашей судьбе...

В маленькое перекошенное окно Вера Петровна видела заснеженный карниз, освещенный настольной лампой, черноту ночи, фонарь в конце улицы, мелькнувшие вдалеке фары машины. Где-то залаяла собака, тут же откликнулась еще одна... Николай Николаевич, ожидая ответа, залюбовался ею – строгий взгляд темных глаз, такой, наверное, и должен быть у врача, короткая стрижка, белый халат, перетянутый пояском. И видел, видел старый плут Николай Николаевич в ее глазах ту женскую дерзость, за которой безошибочно можно угадать жажду любви, готовность к поступкам рискованым, бесшабашным.

– Знаете, – она как-то беспомощно посмотрела на Николая Николаевича, – что-то в этом есть несимпатичное. Вроде заочной солдатской переписки.

– Очень глупые слова, – мягко сказал Николай Николаевич. – Кто к нам сюда ходит? Старики и старухи. В основном старухи. Что у них болит? Живот, поясница, ноги отнимаются, память, на вены жалуются, на мочу, черт знает на что! Вы поработаете здесь еще два года и решите, что на острове вообще нет здоровых людей, нет молодых и веселых. И самое печальное будет то, что в конце концов окажетесь правы. Молодые и веселые посещают другие заведения. Послушайте меня, Верочка... Нет, вы послушайте... Что происходит – все заняты, ни у кого нет времени, все куда-то несутся, чего-то добиваются и наконец успокаиваются. И спросите у любого в последний его час – был ли он счастлив? Скажет – да, был. Не потому, что в самом деле познал счастье на этой земле, а потому, что так принято отвечать, потому, что стыдно нам признаться, что уходим, так и не вкусив этого непонятного, недоступного плода. И, умирая, мы говорим – да! И называем стройку, наш остров называем, медаль, которую вручили по какому-то случаю, аплодисменты, как-то раздавленные в нашу честь, грамоту от какого-то начальника вспомним, будильник, подаренный по случаю выхода на пенсию. И так мало людей, которые решатся в последний час назвать женщину, любовь, упоительное сумасшествие на этой почве... Может, я все путаю, и люди давно уже не сходят с ума от любви, может, они трогаются умом исключительно от белой горячки? Не знаю... Мы одержали такую внушительную победу над человеческой природой, что, даже умирая, человек не может забыть, как ему случилось быть победителем соревнования, а какой-то заезжий руководитель пожал ему руку и заверил, бессовестно глядя в глаза, что он им гордится...

– Все! – оборвала хирурга Вера Петровна. – Уговорили.

Письмо из Киева пришло через месяц.

Снег подтаял, отяжелел, смерзся, и дорога от поликлиники к общежитию сделалась ледяной, сверкала под луной острыми изломами, в ней отражались фонари и окна домов. Заглянув в почтовый ящик, Вера Петровна вместе с привычной серой пачкой газет увидела белый конверт с незнакомым почерком. Сердце ее тревожно дрогнуло, ключ не сразу попал в прорезь железного ящика, письмо Вера Петровна поспешно сунула в сумку, будто в самом этом конверте с красно-синими ромбиками авиапочты было что-то непристойное. В комнатке общежития она положила письмо на стол и занялась печкой. И, строгой лучины, разжигая их, подбрасывая в огонь полешки, она с опаской поглядывала на конверт.

Наконец, когда дрова разгорелись, начали постреливать и метать по стенам огненные блики, решила, открыла. Быстро пробежала строчки. Не найдя ничего необычного, прочла внимательнее. Роман, его звали Романом. «Очень хорошо, – подумала Вера Петровна, – не самый худший случай». В общем же письмо оказалось суховатым. Роман сообщал, что старший друг их семьи, Николай Николаевич, в большом восторге от Веры Петровны, просил написать ей несколько слов, что он и делает с большим удовольствием и передает привет Николаю Николаевичу.

– Обязательно передам, – вслух сказала Вера Петровна.

За последующую неделю она прочла письмо раз десять, каждый раз находя в нем что-то новое. Впрочем, она сознавала, что больше додумывает, нежели действительно видит что-то в этих строчках, написанных мелким четким почерком. В коротенькой записке она поблагодарила Романа за внимание, написала, что его письмо очень понравилось, что на острове к письмам вообще отношение трепетное и каждое становится маленьким праздником.

Ответ пришел неожиданно быстро. Едва вынув письмо из ящика, Вера Петровна сразу ощутила его плотность. «Фото прислал», – решила, и не ошиблась. Через час, расположившись на низенькой табуретке у печи, она распечатала конверт и вынула из него коричневый снимок. Молодой мужчина, с гладко зачесанными назад волосами, с почти незаметными залысинами и маленьким ртом, смотрел на нее пристально, даже с какой-то требовательностью, словно ждал

от нее обещанного. В письме говорилось, что он был счастлив получить весточку, что он в восторге от ее юмора, ума, почерка и даже сахалинский пейзаж на конверте ему показался чудесным.

«Ну, это уж ты, братец, подзагнул, – сказала про себя Вера Петровна, но в душе осталось приятное чувство. – Цену своему юмору я знаю, так что давай не будем». Но Роман ее несколько разочаровал. «Мордатый какой-то, – подумала она, – похоже, щеки со спины видать».

Вера Петровна поставила снимок на полку, где уже лежала обкатанная волнами коряга, кусок оленьего рога и ракушка морского гребешка. Теперь к этой компании прибавился портрет Романа. Каждый день по несколько раз сталкиваясь с его маленькими настороженными глазками, она постепенно начала различать в них скрытую улыбку, доброжелательность, а как-то после работы у нее даже вырвалось:

– Ну, как поживаешь тут без меня, щекастенький?

И послала свою фотографию.

Послала с тайной надеждой потрясти Романа. На снимке она нравилась себе. Один из больных, бывший фотокорреспондент местной газеты, сфотографировал ее прямо в кабинете – в белом халате, со стетоскопом на груди, на столе телефон, стопка карточек. В ее лице была загадочность, может быть, даже значительность, происходящая от богатства духовного мира, – так Вера Петровна не без улыбки определила выражение своего лица. А письмо приложила нарочито короткое, простоватое, сознательно основной удар доверив большому, с хорошим глянцем снимку. Он обладал еще тем преимуществом, что был любительским, – дескать, не специально в фотоателье бегала, не красилась, не завивалась для такого случая, получилась какая есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.